

FORMATION OF MODERNIZATION POLICY OF RUSSIAN EMPIRE'S PERIPHERIES AT THE END OF THE 19th CENTURY: PROPOSALS AND PROJECTS BY ALEXEY YERMOLOV

Konstantin I. Zubkov¹ (a), Igor V. Poberezhnikov² (a), Georgy N. Shumkin³ (a)

(a) Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
 (IIA UB RAS). Yekaterinburg, Russia

Abstract

The paper analyzes the proposals and projects elaborated in 1894-1895 by the Minister of Agriculture and State Properties, Alexey Yermolov, for developing the Caucasus, Central Asia, the Urals, and Siberia. The article aims at disclosing to what extent and in what aspects the general trend to modernizing the country's economy influenced the policies of settling and developing the imperial outskirt regions, thus submitting them to the logic of "frontier" modernization. The materials surveyed are diverse in content. In the Caucasus, the main attention was paid to the resettlement problems, in Turkestan – those of economic development; and in Siberia both directions of colonization policies were combined. Meanwhile, the general approaches can be revealed in Yermolov's proposals. This is, first, overcoming the economic isolation of the regions and opening them with laying the transport communications; second, combining the resettlement colonization with the intensification and specialization of economics turning to more rational methods of natural resources development; third, paying emphasis to preparation and organization of the resettlement, optimization of the land use in terms of relations between immigrants and natives; fourth, starting the transition from agricultural development to industrialization of the outskirt regions. A special place among the regions belonged to the Urals, which, due to the long tradition of the mining industry, had lost the frontier features by the end of the 19th century. In the Urals, the tasks coming to the fore were concerned with the structural policy aimed at adapting the region to market.

Keywords

Frontier; modernization; Caucasus; Turkestan; the Urals; Siberia; colonization; resettlement; Ministry of Agriculture and State Properties; Alexey Yermolov



This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ Email: zubkov.konstantin[at]gmail.com

² Email: pober1871[at]mail.ru

³ Email: shumk[at]mail.ru



ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ МОДЕРНИЗАЦИИ ИМПЕРСКИХ ОКРАИН РОССИИ В КОНЦЕ XIX В.: ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ПРОЕКТЫ А.С. ЕРМОЛОВА

Зубков Константин Иванович¹ (а), Побережников Игорь Васильевич² (а),
Шумкин Георгий Николаевич³ (а)

(а) ФГБУН Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
(ИИиА УрО РАН). Екатеринбург, Россия

Аннотация

В статье дается краткий анализ предложений и проектов, разработанных в 1894–1895 гг. министром земледелия и государственных имуществ А.С. Ермоловым по развитию Кавказа, Средней Азии, Урала и Сибири. Цель работы – определить, в какой степени и в каких аспектах общий тренд модернизации экономики страны влиял на политику заселения и освоения этих имперских окраин, т.е. подчинял их логике «фронтирной» модернизации. Рассмотренные материалы разнообразны по содержанию. На Кавказе основное внимание уделялось проблеме переселения, в Туркестане – хозяйственному освоению, в Сибири сочетались оба направления колонизационной политики. Но в предложениях А.С. Ермолова прослеживаются общие подходы. Это, во-первых, преодоление хозяйственной замкнутости регионов и открытие их посредством прокладки транспортных коммуникаций; во-вторых, сочетание переселенческой колонизации с интенсификацией и специализацией хозяйства, переход к более рациональным методам освоения природных ресурсов; в-третьих, подготовка и организация переселенческого процесса, оптимизация землепользования в части урегулирования отношений переселенцев с местным населением; в-четвертых, переход к индустриализации окраин. Особняком в ряду регионов стоял Урал, который, благодаря длительной традиции развития горнозаводской промышленности, к концу XIX в. утрачивал фронтирную специфику, переходя в разряд среднеразвитых промышленных регионов. На Урале на первое место выходили задачи структурной политики, направленные на адаптацию региона к рынку.

Ключевые слова

Фронтир; модернизация; Кавказ; Туркестан; Урал; Сибирь; колонизация; переселение; Министерство земледелия и государственных имуществ; А.С. Ермолов



Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ Email: zubkov.konstantin[at]gmail.com

² Email: pober1871[at]mail.ru

³ Email: shumk[at]mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

Благодаря административным и литературным талантам С.Ю. Витте (1960), социально-экономические преобразования последнего десятилетия XIX в. прочно ассоциируются с его именем. Мощная фигура Сергея Юльевича заслонила не только всю бюрократию, но и двух императоров – Александра III и Николая II, что отразилось в особом конструкте, созданном историографией, – «виттевская модернизация». Все другие «модернизации» названы в честь главы государства или руководителя правительства: «петровская», «екатерининская», «столыпинская», «сталинская», «хрущевская» и т.д.; и только эта – в честь руководителя ведомства. Однако связывать всю политику правительства с именем одного, пусть даже очень влиятельного, министра финансов, не изучив вклад других государственных деятелей той эпохи, представляется решением поспешным.

Одним из таких администраторов, оказавшихся «в тени» С.Ю. Витте, был Алексей Сергеевич Ермолов. Историография, посвященная ему, очень скромна, хотя масштаб его личности вполне сопоставим с Витте. А.С. Ермолов был министром земледелия и государственных имуществ, членом Государственного Совета, ученым, агрономом, почетным членом Петербургской и Парижской академий наук, Русского географического общества, Вольного экономического общества (Ольховский, 2006; Саенко, 2008). Его карьера в правительстве была тесно связана с С.Ю. Витте. С 1883 г. А.С. Ермолов служил в Министерстве финансов директором Департамента неокладных сборов. В 1889 г. в том же министерстве С.Ю. Витте возглавил Департамент железнодорожных дел. Когда в 1892 г. С.Ю. Витте стал главой Министерства финансов, А.С. Ермолов был назначен на должность его товарища (заместителя). В следующем году, по протекции С.Ю. Витте, А.С. Ермолову было поручено руководить Министерством государственных имуществ, которое в 1894 г. он преобразовал в Министерство земледелия и государственных имуществ. В 1905 г. в результате реформы, проведенной С.Ю. Витте в его бытность председателем Совета министров, Министерство земледелия и государственных имуществ было упразднено, а вместо него образовано Главное управление земледелия; А.С. Ермолов перешел из правительства в Государственный Совет. А в следующем году С.Ю. Витте, утратив пост главы правительства, также стал членом этого высшего законосовещательного учреждения.

В литературе отношения А.С. Ермолова и С.Ю. Витте даются противоречивые оценки. С одной стороны, отмечается, что, благодаря протекции С.Ю. Витте, А.С. Ермолов стал товарищем министра фи-



нансов и министром государственных имуществ; что в Государственном совете А.С. Ермолов, разделяя либеральные взгляды С.Ю. Витте, был его последовательным сторонником. С другой стороны, и в мемуарной литературе, и в исследованиях отмечаются острые противоречия между ними, когда они занимали министерские посты (Гурко, 2000, стр. 68-74). Это указывает на непростую ситуацию в среде высшей бюрократии, а также на то, что не только Витте, но и другие саванники выступали инициаторами модернизационных преобразований страны.

В данной работе дается краткий анализ предложений и проектов по развитию Кавказа, Средней Азии, Урала и Сибири, разработанных А.С. Ермоловым на начальном этапе его деятельности на посту министра земледелия и государственных имуществ (1894–1895 гг.). Авторы ставят перед собой задачу – определить, в какой степени и в каких аспектах общий тренд модернизации экономики страны влиял на политику заселения и освоения этих имперских окраин, т.е. подчинял их логике «фронтирной» модернизации¹.

В 1870-х – 1880-х гг. Министерство государственных имуществ превратилось в ведомство, управлявшее лесной отраслью, горнодобывающей промышленностью и государственными имуществами, а также отвечало за отдельные аспекты сельского хозяйства на территории всей Российской империи. Голод 1891–1892 гг. подтолкнул к его преобразованию в специальное ведомство, отвечавшее за аграрный сектор экономики. Эту работу в 1893–1894 гг. провел А.С. Ермолов. Интересно отметить, что в ходе реформы это ведомство предлагалось назвать «Министерством земледелия, промышленности и торговли», чтобы подчеркнуть широкий круг его функций, но эта идея не прошла. Ведомство получило название «Министерство земледелия и государственных имуществ», чем подчеркивалась его главная задача – управление сельским хозяйством. Впрочем, весь спектр обязанностей был перечислен в «Учреждении Министерства». Ему вверялось «заведывание сельскохозяйственной, лесной и горной промышленностью, а также государственными имуществами». «К предметам ведомства» принадлежали:

- «1) попечение о распространении и усовершенствовании земледелия, скотоводства и других отраслей сельского хозяйства; 2) попечение о развитии кустарных промыслов сельского населения; 3) распоряжение

¹ О концепции фронтирной модернизации подробнее см.: (Алексеев, 2017; Бакшеев, 2020; Бобров, 2013; Лысенко & Гончаров, 2017; Побережников, 2010; Побережников, 2011; Побережников, 2013; Побережников, 2018а; Побережников, 2018б; Почекаев, 2015; Почекаев, 2013; Почекаев, 2020; Шиловский & Резун, 2005.

капиталами для поощрения сельской промышленности; 4) заведывание рыбными и звериными промыслами; 5) общий надзор за исполнением правил о сбережении лесов, а равно поощрение лесоразведения и устройства лесов на землях частных владельцев; 6) заведывание горною частью и некоторыми минеральными водами, а также сохранение всех вообще минеральных источников; 7) содействие торговле сельскохозяйственными, лесными и горнозаводскими произведениями; 8) заведывание состоящими в ведении Министерства учебными заведениями по сельскохозяйственной, лесной и горной частям, а также казенными образцовыми фермами, опытными станциями и т.п. заведениями; 9) собиранье и разработка статистических сведений по сельскохозяйственной, лесной и горной промышленности; 10) управление государственными имуществами: землями, имениями, оброчными статьями и лесами; 11) поземельное устройство некоторых разрядов сельских обывателей <...>; и 12) участие в переселенческом деле».

Сверх того, на министерство возлагался ряд специальных функций, географически привязанных к национальным окраинам: управление имениями и лесами заграничных монастырей в Бессарабской области, попечительство над инородцами Сибири, Архангельской, Астраханской, Ставропольской и других губерний, над колонистами Кавказского края и евреями-земледельцами в Херсонской и Екатеринославской губерниях (ПСЗ РИ III, 1894).

Столь обширный круг задач на пространстве всей Империи требовал личного присутствия главы ведомства; поэтому А.С. Ермолов стал одним из самых активно путешествующих министров. В 1894 г. он объехал побережье Черного моря, Кавказ, Закаспийскую область и Туркестанский край (РГИА, 1895); в 1895 г. – Олонецкий край, верхневолжские губернии, Урал и Сибирь (РГИА, 1896); в 1897 г. – Астраханскую губернию и Кавказ (РГИА, 1898, л. 80-91); в 1898 г. – Среднее Поволжье, Урал и Сибирь (РГИА, 1899, л. 19-50); в 1899 г. – территорию всей Европейской России («внутренние губернии») и Кавказ (РГИА, 1899, л. 133-163); в 1902 г. – внутренние губернии и снова Кавказ.

Основным источником для данной работы послужили всеподданнейшие доклады и отчеты о поездках, которые содержат подробное описание местностей, посещенных министром, имевшихся там проблем, предложения и наметки проектов по их разрешению.

ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ: ОТ КРИЗИСА К АДАПТАЦИИ

Кавказу и, прежде всего, его Черноморскому побережью А.С. Ермолов уделил большое внимание – маршруты трех из пяти его путешествий по России в 1890-х гг. прошли по территории этого ре-



гиона. Столь пристальный интерес министра обусловлен проблемами региона. После присоединения к России Черноморское побережье оказалось в глубоком кризисе. Если «во времена горского владычества», по словам А.С. Ермолова, здесь «проживало несколько сот тысяч горцев, аулы их были окружены садами, следы которых видны доселе»; то в начале 1890-х гг. край населяли 28 тыс. человек, а «в действительности не более 17000 душ, остальные в безвестной отлучке, а наличные жители бедствуют, живут впроголодь и вымирают от лихорадки». Среди этого немногочисленного населения наблюдалась «непримиримая вражда между иноземцами (греко-армянами) и русскими с одной стороны и между старожилами и поселенцами – с другой», а на огромных участках заброшенной земли разрасталась «разгустившаяся древесная поросль (препятствующая... правильному лесовозобновлению)», которая служила источником лихорадок и давала «только приют диким зверям» (РГИА, 1895, л. 19 об.). Столь неприглядное положение явилось следствием просчетов политики по освоению края.

Из четырех групп колонистов – казаков бывшего Шапсугского берегового батальона (образован в 1862 г. (ПСЗ РИ II, 1862) и упразднен в 1870 г.); крестьян, переселившихся из внутренних губерний (ПСЗ РИ II, 1866); армян и греков, прибывших из Малой Азии; частных землевладельцев, получивших в собственность обширные участки Высочайшими пожалованиями или покупкой на льготных условиях – к 90-м гг. XIX в. успеха достигли только армяне и греки. Однако они, по мнению А.С. Ермолова, представляли собой нежелательный элемент, так как «всецело сохраняли свои племенные особенности, в том числе и нескрываемую, проявляющуюся наглядно и до сих пор, вражду ко всему русскому» (РГИА, 1895, л. 17). Что касается трех других групп, то казаки и крестьяне из-за своего консерватизма («коль скоро земля не родит ржи или гречихи, она в их глазах не пригодна ни к чему и на такой земле, по их мнению, жить нельзя»), отсутствия возможности обучиться новым приемам ведения хозяйства («инородцы их себе не пускали, школ и образцовых хозяйств поблизости не было, попечительная о нуждах переселенцев власть отсутствовала»), а также общинной формы землевладения крестьян («засаженный виноградными лозами, орехами или фруктовыми деревьями участок может быть во всякое время отобран и обращен в общественную собственность по приговору схода») не могли адаптироваться к новым условиям и находились «в самом бедственном состоянии». Вследствие этого, в некоторых селениях к 1890-х гг. оставалась «половина, одна треть, даже только четвертая часть поселенных первоначально семейств, –

остальные вымерли или уехали» (РГИА, 1895, л. 17, 20-20 об). Частные землевладельцы в основной своей массе приобретали земельные участки, руководствуясь спекулятивным интересом: они не собирались их осваивать, а рассчитывали продать «впоследствии со значительным барышом». Исключением стали «единичные пионеры культуры и цивилизации»: «насадители виноградарства» Пиленко, Пенчул, барон Штейнгель и Сибиряков; основатели чайной культуры на Кавказском побережье Соловцев и Попов; Еропкин, Хлудов, Татаринцов и некоторые другие (РГИА, 1895, л. 18-18 об.). Итогом такой колонизации «явилось то, что в крае, где в прежнее время было густое горское население, теперь поселено менее 20000 душ и свободных земель, по мнению местной администрации, более почти не имеется» (РГИА, 1895, л. 21)¹.

Прежде всего, по мнению А.С. Ермолова, следовало отделить Черноморский округ от Кубанской области, к которой он был присоединен в 1888 г., и преобразовать его в самостоятельную губернию – это должно было повысить эффективность управления краем. Также необходимо было развивать пути сообщения: строить порты («на расстоянии свыше 600 верст, имеется в сущности только три порта... – это именно Новороссийск, Батум и отчасти Сухум») и достраивать Черноморское шоссе, на котором «не имеется мостов через все сколько-нибудь значительные реки» (РГИА, 1895, л. 22 об.-23). Затем следовало пересмотреть колонизационную политику. Хотя А.С. Ермолов считал, что русские для жизни в этом крае приспособлены хуже иногородцев, по его мнению, следовало «заселять край исключительно лицами русского происхождения. ... Водворение в крае русских поселенцев... необходимо для усиления русского элемента среди чужих и не всегда достаточно надежных народностей, для поднятия престижа русского имени, для водворения русской веры, русского языка и русской цивилизации в крае, покорение которого стоило нам стольких жертв и столько русской крови» (РГИА, 1895, л. 26).

Хотя местная администрация считала, что свободной земли для размещения переселенцев почти не осталось («не более 12000 десятин, что по принятой ныне норме... хватит не более как на 400 семейств»), А.С. Ермолов полагал, что резервы имелись: во-первых, «нагорные места, которые, однако, по естественным, климатическим и почвенным условиям, представляют все удобства для водворения на них русских крестьян»; во-вторых, казенные земли и леса (за исключением лесов ценных пород и предназначенных для защиты рек и горных склонов); в-третьих, земли, захваченные населением сверх

¹ Подробнее см. (Бершадская, 2011).



законных наделов (в некоторых селениях самозахваты достигали 75–700 дес. на двор, из которых разрабатывались только 2–5 дес.). Четвертым источником земельных резервов могла стать передача крестьянам права собственности на землю, благодаря чему они могли бы продать излишки своей земли, открыв, тем самым, «доступ новым поселенцам», а себя обеспечив капиталом, необходимым «для обращения... оставляемой в их владении земли к более совершенным культурам, как виноградарство и садоводство». С целью поддержки колонистов следовало также учредить должности агрономов, садоводов, виноделов, организовать школы садоводства, опытные станции, устроить питомники, снабдить население виноградными чубуками, оказать содействие сбыту вина и фруктов, организовать программы ипотечного и мелиоративного кредитов (РГИА, 1895, л. 27-27 об.).

ТУРКЕСТАН: ИНТЕГРАЦИЯ В ИМПЕРСКУЮ ЭКОНОМИКУ

В Туркестане, хотя он и был присоединен в то же время, что и Западный Кавказ, проблем такого масштаба не было: «в глазах туземного населения» русская власть имела «авторитет и престиж», необходимые «для управления удаленною окраиною». В последней трети XIX в. здесь колонизация проводилась успешно: строились города и поселки (Фергана, Красноводск, Ашхабад и др.), прокладывались дороги, велись ирригационные и лесокультурные работы, открывались школы, совершенствовались традиционные сельскохозяйственные культуры (хлопководство, рисоводство и др.) и распространялись новые (виноградарство и табаководство), возникла горнодобывающая и обрабатывающая промышленность. Благодаря высокому авторитету власти, русские поселенцы не испытывали «от инородческих соседей таких притеснений, как, например, переселившиеся на Черноморское побережье Кавказа» (РГИА, 1895, л. 50 об.-51)¹.

Для того чтобы «цветущие... долины Зеравшана и Сырдарьи и плодородная Фергана» сделались «вскоре одними из богатейших окраин Русского государства», следовало, по мнению А.С. Ермолова, прежде всего, озаботиться развитием транспортных магистралей. Продлив Закаспийскую железную дорогу (она была построена в 1880–1891 гг.) от Самарканда до Ташкента, можно было приступить к освоению «Голодной степи» (земель между Зеравшаном и Сырдарьей), а также организовать поставки хлеба в Ферганскую область из Европейской России и вывоз хлопка в обратном направлении. Следующей,

¹ Подробнее о колонизации Туркестана см (Брежнева, 2016).

по мысли министра, должна была стать железная дорога Андижан – Петропавловск: она «соединит самое сердце Ферганской области с Сибирскою линиею», даст «выход сибирскому хлебу в Среднюю Азию, предохраняя Европейскую Россию от его наплыва», и облегчит «среднеазиатским товарам транспортировку в Сибирь» (РГИА, 1895, л. 52).

Правительство также должно было взять на себя задачу по организации ирригационного дела. «Орошение существует здесь с незапамятных времен и доведено туземцами сартами... до высокой степени совершенства». Хотя по площади орошаемых земель Туркестан был одним из мировых лидеров (он уступал только Индии – 1,5 млн. дес. против 7,8 млн.), имелись дополнительные резервы для развития ирригации в виде 4,5–5 млн. дес. «ныне малопродуктивных или совершенно мертвых степей, которые, однако, по качеству почвы при условии орошения могут быть обращены в плодородные земли». Также следовало урегулировать правила пользования водой; ограничить, по возможности, площади, занятые «рисовыми плантациями, поглощающими массы воды в ущерб другим культурам и, главным образом, хлопководству» и распространить культуру суходольного риса, требующего вчетверо меньше воды (РГИА, 1895, л. 52 об.-53).

В области сельского хозяйства правительство должно было содействовать организации производства сельскохозяйственных орудий и машин, «широкому развитию специальных и высших культур» (табак, виноград), распространению пчеловодства, виноделия, садоводства, но самое главное – содействовать развитию хлопководства. Для этого следовало учредить опытные станции; урегулировать способы закупки хлопчатника; организовать «правильную постановку кредита под хлопок» и установить «целесообразные» тарифы для провоза хлопка по железной дороге и по морю (РГИА, 1895, л. 55).

УРАЛ: НА ПОРОГЕ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В следующем году А.С. Ермолов совершил путешествие на восток – в Сибирь через Олонецкий край, Верхнюю Волгу и Урал. Из этих регионов современная историография к фронтирным относит Урал и Сибирь. Что касается Урала, то на протяжении XVIII — первой половины XIX вв. он выступал одним из лидеров протоиндустриальной модернизации страны; правда, ко второй половине XIX столетия он в значительной степени растерял свой трансформационный потенциал, уступив лидерство в сфере металлургического производства более динамично развивавшемуся Югу. Признаком некоторой «незавершенной» интегрированности, фронтирности региона даже во



второй половине XIX в. выступала его заметная милитаризация (особенно на юге), проявлявшаяся в размещении здесь иррегулярных казачьих формирований (Уральское, Оренбургское казачество) (Алексеев В.В., 1995), установлении особых военизированных форм администрации (пост оренбургского генерал-губернатора был упразднен лишь в 1881 г. после того, как край утратил значение пограничного), запоздалом распространении на регион общероссийских институций: в частности, земства, как органы местного самоуправления, введенные в стране в 1864 г., появились в Вятской губернии в 1867 г., в Пермской – в 1870, в Уфимской – в 1875, а в Оренбургской – лишь в 1913 г. Столь поздние сроки организации земского общественного самоуправления в двух последних губерниях были обусловлены их нетипичностью на фоне остальных земских губерний России: наличием значительной доли инородческого населения в Уфимской и казачьего – в Оренбургской. Продолжалась в изучаемый период и аграрная колонизация края: большие массивы земли были распаханы в Башкирии, Предуралье и Зауралье во второй половине XIX — начале XX в. (Побережников, 2012).

На Урале А.С. Ермолов сосредоточил внимание на трех проблемах горнозаводской промышленности: это – перспективы развития казенных заводов, состояние золотопромышленности и поземельное устройство населения частных заводов.

В России государственное горнозаводское хозяйство (по сравнению с другими странами, где были подобные хозяйственные комплексы) отличалось большими масштабами и широтой выполняемых задач. В середине XIX в. казенные горные заводы работали неэффективно, вследствие чего была объявлена их приватизация – в руках казны должны были остаться только заводы военного профиля (Пермский пушечный, Златоустовская оружейная фабрика и некоторые другие). Однако первые результаты приватизации (продажа Богословского и Вятского округов) оказались крайне невыгодны для государства, поэтому в 1880-х гг. ее приостановили. А.С. Ермолов считал, что государство должно не только сохранить заводы, имеющиеся в его собственности, но и построить новые. Оно не должно оставлять «лежащими втуне» «громадные земельные, рудные и лесные богатства, ... а обязано их разрабатывать, как в собственных выгодах, так и в интересах поднятия общего народного благосостояния». При этом заводы перестанут лежать тяжким бременем на бюджете страны, если перейдут на самофинансирование. Государству надо только дать им первоначальный капитал на обустройство, а затем они будут приносить ему прибыль, платить проценты за вложенный капитал и эксплуатацию

лесов, а также платить все те налоги и сборы, что и частные заводы. Более того, казенные заводы важны тем, что способны «парализовать стачки частных производителей» (т.е. регулировать цены на металл) (РГИА, 1895, л. 192-194).

Если казенные заводы, по мнению Ермолова, должны были остаться в руках государства, то передачу в 1860-е – 1870-е гг. казенных золотых промыслов в частные руки он считал правильной мерой: она обеспечила рост добычи металла. Однако он полагал, что не следовало передавать месторождения целиком одному владельцу. Для стимулирования конкуренции их следовало дробить между несколькими. Он выступал против как монополизации золотодобычи, так и против слишком мелких предприятий, которые вели «большой частью хищнические старательские работы» – и то, и другое негативно отражалось на техническом прогрессе в отрасли, который, по мнению министра, заключался в переходе предприятий с переработки песков к освоению жильных месторождений и применению химических способов извлечения золота (РГИА, 1895, л. 210-212).

Что касается горнозаводских рабочих Урала, то, по мнению А.С. Ермолова, они жили «совершенно иначе, нежели в прочих горнозаводских местностях России и даже целого мира»: они имели «усадебную оседлость», здесь был не редкостью 8-часовой рабочий день, за который боролись рабочие всего мира, летом рабочих отправляли в отпуск для заготовки сена, да и в целом «между рабочими и заводоуправлениями на Урале... нет ни антагонизма, ни вражды. Напротив того, отношения эти отличаются скорее некоторого рода патриархальностью, унаследованною от времени обязательных отношений». Но эту благостную картину портило одно обстоятельство – нерешенная проблема землеустройства. Если рабочие казенных и посессионных заводов, согласно изданным законам, в ближайшем будущем должны были получить земельные наделы, то на частных заводах рабочие «во многих случаях от этого надела по недоразумению отказались». Они рассчитывали, что вся господская земля, как прежде, останется «в их фактическом владении и пользовании» (РГИА, 1895, л. 219), но были обмануты в своих надеждах. А так как восстановить их права на надел было уже невозможно, то необходимо было изыскать иные меры по урегулированию их отношений с заводовладельцами, многие из которых были готовы идти на компромисс и даже предоставить рабочим землю в пользование, лишь бы защитить свои владения от самозахватов¹.

¹ О землеустройстве горнозаводского населения см (Алеврас, 1996).



СИБИРЬ: РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Менее благоприятные природно-климатические условия Сибири (по сравнению с Европейской Россией), территориальная удаленность от рынков Европы, Азии и Европейской России, меньшая заселенность тормозили освоение региона. Модернизация здесь носила более неравномерный характер, отраслевая структура характеризовалась архаизмом, сохранялась сырьевая специализация и обширные территории, население которых в основной своей массе все еще находилось во власти традиции.

В Сибири политика Министерства Земледелия и Государственных имуществ определялась двумя взаимосвязанными обстоятельствами – строительством Транссибирской магистрали и усилением притока колонистов из Европейской России. Они должны были привести «к резкому сокращению земельного простора» и «коренным изменениям общих экономических условий» (цен на сельскохозяйственные продукты, уровня заработной платы и т.д.). По мнению А.С. Ермолова, крестьянам Сибири не оставалось

«времени для того, чтобы постепенно, путем неорганизованных, идущих в разброд и нередко неудачных опытов и усилий изыскивать новые пути для развития своего хозяйства».

Им грозило разорение. Поэтому

«Правительство, которое создало для сибирского крестьянского хозяйства новую обстановку, должно и помочь ему приспособиться к этой обстановке» (РГИА, 1898, л. 43 об.-44).

Колонизация Сибири предполагала решение тех же задач, что и на западном Кавказе, – землеустройство старожилого и инородческого населения, изыскание новых ресурсов для размещения колонистов и создание необходимой инфраструктуры для адаптации колонистов (и старожилов) к новым условиям.

Прежде всего, следовало провести поземельное устройство крестьян Сибири. В 1894 г. был разработан соответствующий законопроект, касавшийся Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний. Его реализация, по мнению А.С. Ермолова, могла помочь в решении четырех проблем: во-первых, выявить резервы земли, на которых можно разместить переселенцев; во-вторых, утвердить старожильческое население в сознании «прочности своих отношений к земле», внушить ему «уверенность, что плоды трудов его останутся всегдашним достоянием его самого и его потомков»; в-третьих, со-

здать условия эффективной лесоохраны и, наконец, в-четвертых, способствовать интенсификации земледелия – «пока земельный простор» позволял переходить на целинные земли, вводить «усовершенствованные приемы земледелия» никто не собирался (РГИА, 1898, л. 30 об.-31). Большой интерес с точки зрения размещения переселенцев представляли «обширные земли инородцев, еще сохранивших кочевой образ жизни». Но эти земли не были включены в законопроект о землеустройстве. Вначале надо было провести исследования, по результатам которых можно было выработать нормы наделения кочевников землей и выявить участки, пригодные для земледельческой колонизации.

Однако землеустройство проблемы размещения колонистов не решало. Земли, пригодные для ведения сельского хозяйства, быстро осваивались переселенцами. В 1895 г. почти не оставалось свободных участков в ближайших к железной дороге районах Тобольской и Томской губерний и в Минусинском округе Енисейской губернии; переселенцы водворялись уже в расположенных севернее округах Енисейской губернии – Ачинском и Канском; готовились переселенческие участки в Балаганском и Нижнеудинском округах Иркутской губернии, но в Балаганском округе удобные земли были только у бурят, и ими можно было воспользоваться после проведения землеустроительных работ. При этом уже в 1895 г. через Челябинск и Тюмень в Сибирь проехало 109 тыс. переселенцев, и этот поток, по расчетам Ермолова, должен был возрасти. Для его размещения оставались безводные, или, напротив, болотистые и таежные пространства (РГИА, 1898, л. 33-33 об.). В Тобольской губернии и Акмолинской области уже были начаты работы по бурению скважин, пока мало успешные, и по осушению болот в Барабинской степи, принесшие хорошие результаты: (опреснение солонцов на площади в 4 млн дес. «и обращение их в пригодные для культуры земли» привело «к оздоровлению климата всей окружающей местности, где в настоящее время посевы постоянно страдают от сырости, туманов, позднего наступления весны и ранних заморозков»). Что касается таежных пространств, то для переселенцев из средних и южных губерний Европейской России они были не пригодны из-за «чрезмерной их лесистости, излишней влажности и вообще суровости климата, подвергающей хлебные посевы самым разнообразным опасностям». Осваивать их были способны выходцы из Пермской или Вятской губерний, а также коренные сибиряки. «Переселенцы шли в тайгу лишь по следам старожилов и садились только на такие места, которые были уже предварительно расчищены и раскультуриваны».



Итак, мерами, направленными «к расширению колонизируемого района», должны были стать «урегулирование поземельных отношений...; орошение безводных местностей и осушение страдающих от избытка влаги; допущение и поощрение... заселения тайги и урманов старожилом населением и желающими из переселенцев» (РГИА, 1898, л. 35-35 об.).

Не менее важным было создание условий для успешного переселения крестьян. А.С. Ермолов полагал, что следовало «организовать в возможно большем числе пунктов» склады строительных материалов, земледельческих орудий, семян, рассадники скота, «откуда переселенцы могли бы получать по самым дешевым ценам всё для них необходимое»; построить школы и церкви; ввести должности правительственных агрономов, а при них – опытные поля и фермы. Агрономы должны были определить способы обработки почвы, «которые будут способны придать сельскому хозяйству надлежащую интенсивность и рациональность». Также следовало ограничить переселение крестьян с одних участков на другие (например, из Томской губернии на Алтай и в Семиречье) (РГИА, 1898, л. 38 об., 41, 44)¹.

Особое внимание властей должно было быть сосредоточено на распространении технических культур, скотоводства, маслоделия, сыроварения, пчеловодства. Необходимо было оказать поддержку кустарным промыслам, которые с проведением Сибирской железной дороги могли «если не вовсе уничтожиться, то, во всяком случае, утратить наибольшую часть своего значения» (например – изготовление саней и других предметов снаряжения обозов)². Следовало ограничить вылов рыбы, распространив среди населения более рациональные приемы переработки рыбы и икры, «и беспощадное истребление зверя в сибирских лесах», сделав исключение для инородцев, для которых охота являлась «главной, а иногда и единственной отраслью промышленности» (РГИА, 1898, л. 45-47).

Немало внимания А.С. Ермолов уделил проблеме охраны лесов. Пользуясь правом бесплатного отпуска древесины, сибиряки использовали хищнические методы заготовки леса: если крестьянину «нужно срубить бревно для постройки, он сваливает, нередко, несколько деревьев, выбирает из них лучшее, а остальные бросает на произвол судьбы». Как следствие, тайга быстро сокращалась: «округи Тюкалинский и Каинский, лет 60–70 тому назад изобиловавшие лесом, приобрели ныне совершенно степной характер» (РГИА, 1898, л. 47 об.). Со строительством Транссиба лес, и до того игравший важней-

¹ Подробнее о колонизации Сибири в 1893–1904 гг. см. (Соловьева, 1966).

² Подробнее см. (Гилько, 2013).

шую роль в формировании климата и режима питания рек, приобрел «особенную ценность, как запас топлива и материалов для снабжения железной дороги». Чтобы прекратить лесоистребление, следовало вначале привести леса «в известность»; затем усилить надзор, учредив новые лесничества и увеличив лесную стражу; «прекратить бесплатные отпуска»; организовать эксплуатацию удаленных от железной дороги лесов; приступить к лесовозобновлению на юге и учредить лесные школы (РГИА, 1898, л. 49 об.-50).

Но, даже осуществляя эти меры, обеспечить железную дорогу топливом исключительно за счет лесов было невозможно. Основным горючим должны были стать каменный уголь и торф. С этой целью Министерство приступило к изучению торфяников в Тобольской губернии и Акмолинской области и организовало масштабные геолого-разведочные работы, давшие благоприятный результат – обширные месторождения ископаемого угля были обнаружены как в Западной (урочища Куу-Чеку и Экибас-Туз Семипалатинской области, урочище Караганды Акмолинской области, в Мариинском округе Томской губернии и др.), так и в Восточной Сибири (Чулымо-Урюпинский угленосный бассейн Енисейской губернии, месторождения по среднему течению р. Ангары и др.). Поэтому А.С. Ермолов считал, что «опасения о недостатке в будущем этого рода топлива для удовлетворения нужд дороги и окрестного населения... едва ли основательны». Чтобы оградить эти месторождения от спекуляции¹, А.С. Ермолов воспользовался «правом объявить некоторые местности Мариинского округа впредь не свободными для частных разведок» (РГИА, 1898, л. 48-53). Помимо ископаемого горючего, также были разведаны обширные месторождения серебряно-свинцовых, медных и железных руд, строительного камня, гипса, что давало надежду на успешное развитие горнозаводской промышленности в Сибири в ближайшем будущем.

Особое внимание А.С. Ермолов уделил золотодобыче, имевшей «выдающуюся государственную важность» – $\frac{3}{4}$ золота России извлекалось из недр Сибири. По его мнению, «необходимо принять всевозможные меры для расширения золотого дела». Но, не являясь специалистом в данной сфере, он смог лишь предложить «всестороннее изучение сибирской золотопромышленности в статистико-экономическом и техническом отношении, для выяснения ее нужд и потребностей» и организовать разведку золотоносных месторождений средствами казны. Для содействия развитию горного и золотого дела

¹ На основании закона о разработке полезных ископаемых на свободных казенных землях частные лица могли закреплять за собой ими разведанные месторождения. См. (ПСЗ РИ III, 1887).



в Сибири следовало, по его мнению, учредить в Томске второе горное училище (первое уже существовало в Иркутске) (РГИА, 1898, л. 53-55).

ВЫВОДЫ

Итак, рассмотренные материалы показывают, что предложения и проекты по преобразованию окраин, выдвигавшиеся А.С. Ермоловым, разнообразны по содержанию, поскольку, благодаря личным наблюдениям министра, они были четко сфокусированы на конкретной специфике проблем, характерных для каждого региона. Например, на Кавказе в ранг приоритетной выдвигалась проблема состава переселенческих контингентов и земельного урегулирования, в Туркестане – внедрения прогрессивных технологий хозяйственного освоения и диверсификации аграрной экономики; в Сибири с необходимостью сочетались оба этих направления колонизационной политики. Вместе с тем в предложениях А.С. Ермолова по развитию слабо освоенных или недавно присоединенных окраинных территорий можно обнаружить признаки общих подходов. Это, во-первых, преодоление хозяйственной замкнутости регионов и открытие их посредством прокладки транспортных коммуникаций для всероссийского рынка; во-вторых, сочетание переселенческой колонизации с интенсификацией и специализацией хозяйства, переход к более рациональным (в том числе с экологической точки зрения) методам освоения природных ресурсов; в-третьих, переход к всесторонней подготовке и организации переселенческого процесса, оптимизация землепользования в части урегулирования отношений переселенцев с местным инородческим и русским старожильческим населением; в-четвертых, переход от аграрных методов освоения к индустриализации окраин. Особняком в этом ряду регионов, удостоенных внимания министра, стоял Урал, который, благодаря длительной традиции развития горнозаводской промышленности, к концу XIX в. утрачивал фронтирную специфику, переходя в разряд среднеразвитых промышленных регионов подобно Польше, Прибалтике, Поволжью, со своей хозяйственной спецификой (горнозаводская промышленность). На Урале на первое место выходили задачи структурной политики, направленные на адаптацию региона к рынку, хотя, при содействии государства, должен был найти продолжение и экстенсивный рост горнозаводского хозяйства.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Фронтирная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации» № 18-09-00427А

Список литературы

- Алеврас, Н.Н. (1996). *Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века*. Челябинск: Челябинский государственный университет.
- Алексеев В.В. (Eds.). (1995). *История казачества Азиатской России. Т. 2*. Екатеринбург: НИСО УрО РАН.
- Алексеев, В.В. (2017). Фронтирная модернизация в имперской России. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Социально-гуманитарные науки»*, 17(2), 6-13. Doi: 10.14529/ssh170201.
- Бакшеев, А.И. (2020). Теория фронта и переселение крестьян в Сибирь: научная трактовка государственной политики XIX–XX веков. *Известия лаборатории древних технологий*, 16(2), 130-140. Doi: 10.21285/2415-8739-2020-2-130-140.
- Бершадская, О.В. (2011). *Социально-экономическое развитие сельских поселений Черноморской губернии (округа) во второй половине XIX-в первой трети XX вв.* Краснодар: Экоинвест.
- Бобров, Д.С. (2013). Фронтирная модернизация управленческого сегмента Алтайского региона в первой половине XVIII в. В *Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв.* (стр. 52-55). Екатеринбург: Уральский издательский полиграфический центр.
- Брежнева, С.Н. (2016). Русские переселенцы в Туркестане: проблемы взаимоотношения с местным населением. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология*, 1(222), 113-117.
- Витте, С.Ю. (1960). *Воспоминания*. В 3-х т. Москва: Соцэкгиз.
- Гилько, М.А. (2013). Влияние Транссибирской магистрали на размещение кустарных промыслов Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. *Известия Алтайского государственного университета*, 4-2(80), 51-55. Doi: 10.14258/izvasu(2013)4.2-09
- Гурко, В.И. (2000). *Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Железкин, В.Г. (1989). Казенные горные заводы Урала в экономической политике царского правительства в период домонополистического капитализма (1861–1900 гг.). В *Вопросы экономической истории горнозаводской про-*



мышленности Урала периода капитализма (1861–1917 гг.). (стр. 3-26).
Свердловск: УрО АН СССР.

- Лысенко, Ю.А. & Гончаров, Ю.М. (2017). Бухарский эмират и Хивинское ханство во внешней политике Российской империи: опыт фронтирной модернизации. *Былые годы*, 46(4), 1480-1487. Doi: 10.13187/bg.2017.4.1480
- Ольховский, Е.Р. (2006). Чиновничья карьера ученого и поэта. В *Петербургская мозаика*. (стр. 180–204). Санкт-Петербург.: Звезда Петербурга.
- Побережников, И.В. (2010). Урал в XVIII–XIX вв. (пример фронтирной модернизации). В *Восьмые Татищевские чтения: доклады и сообщения* (стр. 308-310). Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ.
- Побережников, И.В. (2011). Азиатская Россия: фронтир, модернизация. *Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*, 4(96), 191-203.
- Побережников, И.В. (2012). Урал в истории Российского государства: постановка проблемы. *Уральский исторический вестник*, 2(35), 118-126.
- Побережников, И.В. (2013) Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен. В *Россия реформирующаяся*. (Вып. 12, стр. 246–274). Москва: Новый хронограф.
- Побережников, И.В. (2018a) Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты. В *Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе*. (стр. 283-298). Москва: Аквилон.
- Побережников, И.В. (2018b). Фронтирная модернизация на востоке Российской империи; региональные вариации. *Уральский исторический вестник*, 4, 72-80. Doi: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80
- Почекаев, Р.Ю. (2013). Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтирной модернизации. *Право: журнал Высшей школы экономики*, 4, 174-190.
- Почекаев, Р.Ю. (2015). Монаршая воля и собственное усмотрение губернаторов в отношениях Российской империи с Казахстаном в контексте фронтирной модернизации (конец XVIII – начало XIX вв.). *Вопросы правоведения*. 2(30), 162-175.
- Почекаев, Р.Ю. (2020). *Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтирной модернизации*. М.: Издательский Дом ВШЭ.
- ПСЗ РИ II. (1862). Т. 37. № 38256.
- ПСЗ РИ II. (1866). Т. 41. № 43093.
- ПСЗ РИ III. (1887). Т. 7. № 4521.
- ПСЗ РИ III. (1894). Т. 14. № 10457.
- РГИА. (1895). Ф. 381. Оп. 46. Д. 155.
- РГИА. (1898). Ф. 381. Оп. 46. Д. 153.

РГИА. (1899). Ф. 381. Оп. 46. Д. 163.

Саенко, Е.С. (2008). Алексей Сергеевич Ермолов (1847–1917 гг.): ученый и министр. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2*, 1, 74-81.

Соловьева, Е.И. (1966). Переселение крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX веков (1893–1905 гг.). В *Из истории Западной Сибири*. (Вып. 1, стр. 138–167). Кемерово.

Шиловский, М.В. & Резун, Д.Я. (2005). *Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов*. Новосибирск: Сова.

Шумкин, Г.Н. (2007). Казенные горные заводы Урала в политике правительства на рубеже XIX–XX вв. *Уральский исторический вестник*, 16. 38-44.

References

Alekseev, V. V. (2017). Frontier modernization in Imperial Russia. *Bulletin of the South Ural state University. Ser. "Social and humanitarian Sciences"*, 17(2), 6-13. Doi: 10.14529/ssh170201 (in Russian).

Alekseev V. V. (Eds.). (1995). *History of the Cossacks of Asian Russia, Vol. 2*. Yekaterinburg: NISO Uro RAS (in Russian).

Alevras, N. N. (1996). *Agricultural policy of the government in the mining Urals at the beginning of the XX century*. Chelyabinsk: Chelyabinsk state University (in Russian).

Baksheev, A. I. (2020). Frontier theory and the migration of peasants to Siberia: a scientific interpretation of state policy in the XIX-XX centuries. *Proceedings of the laboratory of ancient technologies*, 16(2), 130-140. Doi: 10.21285/2415-8739-2020-2-130-140 (in Russian).

Bershadskaia, O. V. (2011). *Socio-economic development of rural settlements of the black sea province (district) in the second half of the XIX-first third of the XX centuries*. Krasnodar: Ekoinvest (in Russian).

Bobrov, D. S. (2013). Frontier modernization of the management segment of the Altai region in the first half of the XVIII century. In *Regional factor of modernization of Russia in the XVIII-XX centuries*. (pp. 52-55). Yekaterinburg: Ural publishing and printing center (in Russian).

Brezhneva, S. N. (2016). Russian immigrants in Turkestan: problems of relations with the local population. *Scientific Bulletin of the Belgorod state University. History Series. Political science*, 1(222), 113-117 (in Russian).

Gilko, M. A. (2013). Influence of the TRANS-Siberian railway on the placement of Handicrafts in the Yenisei province in the late XIX-early XX centuries. *Izvestiya altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4-2 (80), 51-55. Doi: 10.14258 / izvasu (2013)4.2-09 (in Russian).



- Gurko, V. I. (2000). *Features and silhouettes of the past: Government and public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary*. Moscow: New literary review (in Russian).
- Lysenko, Yu. A. & Goncharov, Yu. M. (2017). Bukhara Emirate and Khiva khanate in the foreign policy of the Russian Empire: experience of frontier modernization. *Past years*, 46(4), 1480-1487. Doi: 10.13187/bg. 2017. 4. 1480 (in Russian).
- Olkhovsky, E. R. (2006). Official career as a scientist and poet. In *St. Petersburg mosaic*. (p. 180-204). St. Petersburg: Star of Petersburg (in Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2010). Ural in the XVIII-XIX centuries. (example of frontier modernization). In *Eighth Tatishchev readings: reports and reports* (pp. 308-310). Yekaterinburg: UMC UPI publishing house (in Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2011). Asiatic Russia: the frontier, modernization. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Humanities*, 4(96), 191-203 (in Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2012). Ural in the history of the Russian state: problem statement. *Ural historical Bulletin*, 2(35), 118-126 (in Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2013) Frontier modernization as a Russian civilizational phenomenon. In *Russia is reforming*. (Issue 12, pp. 246-274). Moscow: New chronograph (in Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2018a) Peripheral modernization in the Russian Empire: regional options. In *Civilizational challenges in the world-historical perspective*. (pp. 283-298). Moscow: Aquilon (in Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2018b). Frontier modernization in the East of the Russian Empire; regional variations. *Ural historical Bulletin*, 4, 72-80. Doi: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80 (in Russian)
- Pochekaev, R. Y. (2013). The evolution of taxation in Kazakhstan in the XIX century in the context of frontier modernization. *Law: journal of the Higher school of Economics*, 4, 174-190 (in Russian).
- Pochekaev, R. Y. (2015). The monarch's will and the governors' own discretion in relations between the Russian Empire and Kazakhstan in the context of frontier modernization (late XVIII-early XIX centuries). *Legal Issues*. 2(30), 162-175 (in Russian).
- Pochekaev, R. Yu. (2020). *Russian factor of legal development in Central Asia: 1717-1917. Legal aspects of frontier modernization*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- PSZ RI II. (1862). *Vol. 37. no. 38256* (in Russian).
- PSZ RI II. (1866). *Vol. 41. No. 43093* (in Russian).
- PSZ RI III. (1887). *Vol. 7. No. 4521* (in Russian).
- PSZ RI III. (1894). *Vol. 14. No. 10457* (in Russian).
- RGIA. (1895). *F. 381. Op. 46. D. 155* (in Russian).
- RGIA. (1898). *F. 381. Op. 46. D. 153* (in Russian).

- RGIA. (1899). *F. 381. Op. 46. D. 163* (in Russian).
- Sayenko, E. S. (2008). Alexey Sergeevich Yermolov (1847-1917), was: a scientist and a Minister. *Bulletin of Saint Petersburg University. Series 2, 1*, 74-81 (in Russian).
- Shilovsky, M. V. & Rezun, D. Ya. (2005). *Siberia, late XVI-early XX century: the frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes*. Novosibirsk: Sova (in Russian).
- Shumkin, G. N. (2007). State-owned mining plants of the Urals in government policy at the turn of the XIX-XX centuries. *Ural historical Bulletin*, 16. 38-44 (in Russian).
- Solovyova, E. I. (1966). Migration of peasants to Siberia in the late XIX-early XX centuries (1893-1905). In *From the history of Western Siberia*. (Issue 1, pp. 138-167). Kemerovo (in Russian).
- Witte, S. Y. (1960). *Memories. In 3 vols*. Moscow: Sotsekgiz (in Russian).
- Zhelezkin, V. G. (1989). State-owned mining plants of the Urals in the economic policy of the tsarist government during the period of pre-monopoly capitalism (1861-1900). In *Questions of the economic history of the mining industry of the Urals during the period of capitalism (1861-1917)*. (p. 3-26). Sverdlovsk: Ural branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).